

ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЕ *BAETH* ‘БЕЗУМЕЦ’: ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ¹

Отправной точкой исследования семантики др.-ирл. прилагательного *báeth* является его употребление в поэме X в., описывающей сражение короля Фрегуса с водяным чудовищем: это сражение названо автором *bidg baeth*. Переведенное издателем как *silly deed* ‘глупое дело’, это сочетание противоречит традиционной эпической биографии героя, в которой мотив драконоборчества предстает как деяние героическое. Вызывает сомнение также традиционное осмысление прилагательного в сочетаниях *mná baithe*, переводимого как *wanton women* ‘распутные женщины’. Детальный анализ контекстуальной семантики др.-ирл. *báeth* в языке глосс, юридических текстах, а также саговых нарративах и монастырской лирике позволяет выделить присутствующую во всех употреблениях общую компоненту — опасность, действительно трансформированную в ряде контекстов в семантику неразумия, глупости, а также — дикости. Предположение поддерживается также этимологией лексемы, являющейся продолжением и.-е. основы **bhei-* ‘бояться’. В работе выдвигается предположение о наличии на раннем уровне в гойдельском лабиального прилагательного с семантикой «страшный — пугливый», со вторичной семантикой как дикости, так и неразумия.

Ключевые слова: Древнеирландский язык, метод контекстуального анализа, семантическая деривация, этимология, семантическое поле, «дикий», «безумный», «опасный».

Т. А. Mikhailova

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia. tamih.msu@mail.ru

Old Irish *báeth* ‘wild, stupid’: a problem of semantic derivation

A departing point of the investigation is the use of Old Irish adjective *báeth* in a poem dating from the tenth century and describing the combat of the pseudo-historical king Fergus with a water monster. His feat is characterized by the author as *bidg baeth*, translated by the editor as ‘silly deed’, what is contradictory to his itraditional epic biography and to the dragonfight motif. The widespread translation of the phrase *mná baithe* as ‘wanton women’ is also considered doubtful. A detailed contextual analysis

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии».

of the semantic of Old Irish *báeth* in the language of the glosses, law treatises, saga narratives and monastic poetry can help to reveal a common basic component — ‘to be dangerous’, transformed later in some contexts to the semantic of foolishness and wilderness. The suggestion is supported by the etymology of the lexeme, deriving from the IE stem **bhei-* ‘to fear’. The existence in Goidelic of a labile adjective ‘dangerous — afraid’ is supposed.

Key words: Old Irish, contextual analysis method, semantic derivation, etymology, semantic field, *wild, silly, dangerous*.

В среднеирландской поэме «Были герои в Эмайн...», которая приписывается поэту Киннету Уа Артагану (Cinaeth hUa Artacáin, † 975) и в которой кратко перечисляются достойные памяти деяния королей древности, есть строки, посвященные псевдо-историческому королю Фергусу, сыну Лейте:

Fergus macc Léite ba laech	Фергус, сын Лейте, был героем,
luid cosin mbéist, ba bidg baeth,	Он пошел к дракону, ... дело,
co torchratar [imjmalle	Так что пали они оба
for Fertais ruaid Rudraige.	Возле крепости красной Рудрайге.

(Stokes 1902: 304).

Приведенная строфа не столько описывает, сколько намекает на подвиг Фергуса, сына Лейте, который спустился на дно озера и победил водяного монстра, а затем погиб. Рассказ о гибели Фергуса содержится в саге «Приключение Фергуса сына Лейте» (русск. пер. см. Shkunaev 1991: 171–172, издание см. Vinchu 1956), где подробно описано, как он дважды опускался на дно озера, чтобы сразиться с живущим там монстром, и лишь во второй раз сумел победить его, но от ран оправиться не смог и вскоре умер. Несомненное сходство данного сюжета с «Беовульфом», с которым компилятор, предположительно, мог быть знаком, (см. Carney 1979) показывает деяние короля Фергуса в первую очередь — как героическое. Почему же в поэме оно характеризуется эпитетом *baeth*, который традиционно переводится как ‘безумный, глупый, неразумный, дикий; развратный’, и было передано издателем как *silly* ‘глупый’?

Объяснений здесь может быть два, причем друг другу они не противоречат. Так, сочетание *bidg baeth* «... деяние» представляет собой сочетание значимого имени с аллитерирующим эпитетом, который к тому же рифмуется с последним словом предыдущей строки: *laech* — *baeth* (о древнеирландской метрике — см. Murphy 1961). Таким образом, *baeth* — это

метрически и фонетически обусловленный эпитет, семантика которого уже на так важна (см. об этом также Mikhailova 2005).

Но даже отчасти десемантизированный, эпитет продолжает что-то означать. Для перевода др.ирл. *baeth* как «глупый, неразумный» действительно основания есть. Так, в языке глосс, датируемым VII–VIII вв., ирл. *báeth* (*baid*, *boeth*) традиционно глоссируются латинские лексемы с общей идее глупости и неразумия. В Вюрцбургских глоссах к строке из «Первого послания к Коринфянам» *stultus fiat ut sit sapiens* к лат. *stultus* дана глосса — *baid* (Stokes, Strachan 1975: I, 548). Там же др.-ирл. *donbaith* («к неразумным») глоссируется лат. *idiotae* (*ibid.*, 578). Миланский глоссатор на комментарии к Псалмам, во фрагменте предваряющем рассказ о том, как Давид притворился безумным перед Авимелехом, пишет, что он принял облик «мужа неразумного» (*fir boith* — *ibid.*: 164). В Санкт-Галленских глоссах к «Грамматике» Присциана лат. *hebes* 'тупой' поясняется как *mall no baeth* 'вялый или неразумный' (Stokes, Strachan 1975: II, 119), что показывает несколько иной аспект оценки неразумия: простота и непосредственность, вялость мысли. Видимо, в таком же значении термин *báeth* употреблен в Глоссарии Кормака (X в.), где им глоссируется лексема *ónna* (*ón*) 'простак, глупец, боязливый' (Meuer 1913: 89), восходящая к обозначению ягненка — *úan*. См. уточнение семантики в (O'Rahilly 1942: 150–151).

Близкие семантически употребления можно найти и в непосредственной ирландской традиции. Так, например, в саге «Смерть Дерворгиллы», повествующей об уринальных состязаниях уладских жен, о героине говорится: *Nírbo áill lea ór nírbo báeth* (Ingridsdotter 2009: 28) «Не было это ей по нраву, ибо не была она неразумна».

Ср. из саги «Разрушение Трои», переложения пересказа «Илиады» Дареса и «Аргонавтики»: *...co torchair in mac baeth issin fairge úar nad baí nech ica imchomé. (цит. по Miles 2011: 68)* «...так что этот неразумный мальчик упал в море, поскольку никто за ним не присматривал».

Употребленная по отношению к животным, лексема, как правило, передает идею как юного возраста, а в силу этого и неразумия (*báeth* часто называются телята, ягнята, щенки), так и, если можно так выразиться, недостаточной доместикации и дрессировки: так может называться бешеный бык или необъезженный, «дикий» конь. Ср., например, из среднеирландских комментариев к поэме «Чудо Колума Килле»:

Maith fri forbairt ech nad **baeth**,
 aris leis ternas a laech.
 ruthid hech **baeth** foa nibi.
 doluit co nibuich a chnamí.
 (Stokes 1899: 174)

Хорош для роста конь,
 который не дикий.
 С ним ускачет его воин.
 Плох конь дикий для скачки,
 Упадет и ломает ему кости.

В то же время, в композитах лексема уже со значением «дикий» реализует лексическую функцию MAGN², «маркируя высокую степень проявления некоторого признака» (Orlova 2022: 97). В процитированной работе рассматривается семантический переход «дикий» — «агрессивный, опасный», что в качестве опоры имеет сложившийся в наивной картине мира образ дикого животного, преимущественно — хищного. Следуя во многом интересным наблюдениям М. Орловой при анализе семантических реализаций лексемы *báeth*, я должна помнить о том, что для древнеирландской «ментальной карты» понятие *báeth* не соотносится автоматически с миром дикой природы, и его «старшее значение» должно лежать в иной области представлений. Так, *cú báeth* — это бешеный пес, домашний, но вышедший из под контроля, тогда как *cú allaid* — «дикий пес», скорее всего — волк³. Ср., например — *breo baeth* ‘бурное пламя’, *baethrith* ‘бешеный бег’, *baethléimm* ‘резкий скачок’. Ср. также из саги «Боллезнь Кухулина»: *bruid idnu buden mbáeth* (Dillon 1953: 15, l. 431) «бьет он теперь полчища дикие». Ср., однако, отмеченное ею же прилагательное *диковатый*, реализующее переход «дикий» — «робкий, боязливый» (см. выше др.-ирл. *ónna*).

Ср. также употребления, возможно, имеющие метафорическую природу: *baeth bennaib* — ‘дикими горами, холмами’, то есть — в недоместицированном, непредсказуемом локусе. Отметим вновь, однако, что понятие *báeth* не кодирует дикости как принадлежности к природе, но скорее обозначает объект,

² См также семантический переход # 5558 *wild* → *very* в базе данных DatSemShift, включающий также др.-ирл. реализацию на базе прил. *baeth*, что сейчас представляется поспешным и нуждающимся в корректировке.

³ Прилагательное *allaid* возводится к наречию *all* — ‘там, вдали, вовне’, то есть, по мнению Вандриеса, реализует оппозицию «дом», как внутреннее пространство, — «поле, лес» как пространство внешнее, чужое (LEIA-A:62).

входящий в группу культурных объектов, но по той или иной причине не соответствующий требуемым параметрам.

В текстах Законов категория *báeth* включала в себя как несовершеннолетних детей, включая детей «живых отцов» (не обладающих имуществом), рабов, лиц, которые считаются психически неполноценными, а также — женщин (за редким исключением). Как пишет Ф. Келли, «данная группа объединяла людей, не обладающих полноценными юридическими правами» (Kelly 1995: 68), но как мы понимаем, уже далеко не всегда в силу неразумия.

В современном ирландском лексема сохранилась в форме *baoth*, однако не является в достаточной степени употребительной и встречается в основном в композитах, причем с семантикой 'вялый, напрасный, бессмысленный'. Например: *baoth-ghlóir* 'пустая слава', *baothrach* 'простофиля, жалкий человек' и пр.

В то же время, в древнеирландском применительно к женщинам прилагательное *báeth* обладало своей спецификой. С одной стороны, мы видим традиционные отсылки к врожденному неразумию. Как пишет, например, Э. Джонстон, «женщины не обладали юридическими правами, поскольку квалифицировались как *báeth*, что отражало представление о недостаточной ментальной компетенции» (Johnston 2011: 197). Так, например, в той же саге «Болезнь Кухулина» говорится: *dáig at báetha síalla ban* (Dillon 1953: 28, l. 804). «Ибо неразумны рассудки жен». Ср. также пословицу: *fer mná báithe dlomthar sceo gaithe* «муж глупой женщины должен быть, как ветер» (видимо — должен привыкать к нестабильности), а также выражение *gún mná báithe* «тайна глупой женщины», т. е. секрет, который не удалось сохранить. Идея женской глупости и неполноценности для древнеирландской традиции является общим местом и далеко не всегда кодируется анализируемым прилагательным, что в целом опирается не некое расхожее представление. С другой стороны, что уже отчасти вызывает наше сомнение, в ирландистике существует стойкая тенденция расценивать «женскую глупость» как проявление распутства и соответствующим образом переводить *báeth* как — *wanton, licentious*. Так, в примечании к изданию текста саги «Смерть Дервогиллы» (см. выше) комментатор отмечает, что «поскольку лексема может также иметь значение 'распутный', в саге можно увидеть намек на сексуальный подтекст эпизода» (Ingridsdotter 2009: 95). Отчасти она, безусловно, права: в саге речь идет об уринароно-

эротических состязаниях, однако в целом, как мы попытаемся показать при помощи методики контекстуального анализа семантики лексемы, данное значение оправданным представляется далеко не всегда.

Наиболее известным примером употребления лексемы в данном значении считается строка из стихотворения «Колокол» (IX в.):

Clocan binn	Колокол сладкий,
Benar i n-aidchi gaithe:	Звенящий ветреной ночью.
Bas ferr lim dul ina dail	Приятнее встреча с ним,
Indas i ndail mna baithé .	Чем встреча с женщиной распутной .

(Murphy 1998: 4)

В переводе Мерфи — *wanton*. Такая трактовка создает прозрачный образ: блуждающий ненастной ночью монах не желает встретить на своем пути распутную женщину, которая, видимо, будет пытаться соблазнить его. Но так ли это?

Сочетание *ban mbaeth* (gen.pl.) встречается также в тексте так называемой «Клостернойбургской лорики», оградительного заговора-молитвы, автор которого перечисляет, как это принято в лориках, разного рода опасности, которые он может встретить на пути. Автор «Клостернойбургской лорики» формулирует возможную опасность, исходящую от женщин, как — *Ag upthaib ban mbaeth* (Stokes 1873: 113) «от заклинаний безумных/глупых/диких/распутных женщин».

При трактовке сочетания *ben baeth* как «распутная женщина», мы столкнемся с противоречием: либо автора пугают возможные греховные действия, которые может предпринять встретившаяся на его пути распутница, либо — он страшится заклинаний профессиональных колдуний, но почему тогда они названы «глупыми/распутными»? Детальный анализ лорики, проведенный Д. Штифтером, верно показал, что основной акцент текста делается в данном случае — на ограждении от колдовства, представленного в первую очередь как «женские заклинания» (упомянуты в тексте трижды), а также — как «злота мужей» (упомянута дважды), в которой он также предлагает видеть магию, опираясь в данном случае на фрагмент из 30-й руны «Калевалы» — «Защити, могучий Укко, / Огради, о бог прекрасный, / Охрани рукою мощной / И твоей великой силой / От мужских коварных мыслей, / От коварства

злых женщин»⁴ (см. Stifter 2007). Безусловно интересное, сравнение с «Калевалой» кажется несколько натянутым и, главное, не учитывающим специфику финского контекста: в нем речь идет об опасностях, которые подстерегают человека в стране колдунов — Лапландии. Именно поэтому и мужи, и жены там в равной степени опасны своей магией. В тексте «Клостернойбургской лорики», напротив, лишь жены обладают некоей магической способностью наносить вред, тогда как мужи описаны скорее как абстрактные «лихие люди». Таким образом, итоговая строка лорики — *Náramgonat fir naramillet mná* («Пусть не ранят меня мужи, пусть не погубят меня жены») является оберегом и от оружия, и от колдовства.

Ср. аналогичную оппозицию в другой лорике — «Заговоре на долгую жизнь» (см. издание Carey 1998):

<i>Nim-millethar teól,</i>	Пусть не будет мне вреда
<i>ná cuire ban,</i>	Ни от общества женщин,
<i>ná cuire buiden.</i>	Ни от общества отрядов мужей.

В данном случае опасность, исходящая от женщин, не эксплицирована, однако несомненно автор опирался на фоновые знания аудитории, для которой вред в данном случае состоял во владении магией. Ср. также из «Лорики Патрика»: «Ограждаю себя ныне / против заклинаний *женщин*, кузнецов и друидов...».

Таким образом, несомненно, что в стихотворении «Колокол» (см. выше) речь идет о встрече не с распутницей, но с заклинательницей, которая гораздо более опасна.

Обращение к намеченным семантическим реализациям прил. *báeth* демонстрирует имплицитный компонент, объединяющий отдельные элементы поля: это идея опасности. Опасны бешеный бык и пес, опасны дикие горы и леса, опасны и неразумные дети и женщины в своей неразумности и непредсказуемости и опасны, безусловно, женщины-заклинательницы.

Наша идея поддерживается и этимологией лексем. Еще Хольгер Педерсен предлагал соотносить др.ирл. *báeth/baith*, а также *báegul* m. ‘страх, опасение, тревога’ с и.-е. основой **bhei-* ‘бояться’ (Pedersen 1909: 56). См. группу когнатов и.-е. *bhōi-*, **bhāi-*, **bhī-* *в (IEW 161–162), а также анализ путей семантической деривации в (Торогов 1975: 219–220), без учета

⁴ Пер. Л. П. Бельского; <https://profilib.net/chtenie/33337/elias-lennrot-kalevala-67.php>

кельтских данных. Ср. также реконструируемую форму как в **b^hoH-i-/*b^hiH-* (De Vaan 2008: 229; Derksen 2008: 50). См. группу славянских лексем в ЭССЯ, где также дана ирландская лексема в форме *baíh* с указанной семантикой — *stultus* (ЭССЯ 2: 164). Предложенная Педерсеном этимология была затем поддержана П. И. Ламбером, который реконструировал прото-кельтскую форму **baito-*, образованную на базе пассивного перфектного причастия (LEIA-B: 10). Реконструируемая форма действительно подтверждается фонетикой ауслата: глухой спирант восходит к интервокальному *-t-*. Что же касается вокализма, то отмеченный им дифтонг *-ai-* (как он пишет «инфикс, обозначающий имена лиц») на самом деле является дисиллабом (см. Ahlqvist 1994: 27), а следовательно — восходит к протоформе с консонантом, затем утраченным, либо, что вероятнее, с отмеченным Э. Хэпом фактитивным суффиксом (Hamr 1985: 67). Аналогичное образование можно усматривать в лат. когнате *foedus* ‘мерзкий, отвратительный’ (De Vaan 2008: 229). К данной группе лексем принято также относить греч. *πίθηκος* ‘обезьяна’ (как страшное животное, оспорено, однако — в Beekes 2010: 1189).

Предложенное в Jørgensen 2009 соотнесение др.-ирл. лексем *báeth* ‘неразумный’, *báes* ‘безумие, глупость’ (вторичная деривация) с др.-ирл. *bés* ‘обычай’ не представляется убедительным ни фонетически, ни семантически.

Итак, в качестве вывода мы можем предположить наличие в древнеирландском лабильного прилагательного, восходящего к утраченному глаголу с семантикой «бояться — пугать», получившего вторичные значения «дикий, агрессивный, глупый», но также в ряде контекстов сохранившего значение — «опасный». Безусловно, именно это значение реализуется в сочетании *bidg baeth* — «опасное деяние». Действительно, встреча с водяным чудовищем была для короля опасна: за победу над монстром он заплатил жизнью.

Источники и литература

- Ahlqvist, A. 1994: *Litriú na Gaeilge. I: Stair na Gaeilge*. Eag. K. McCone, D. McManus, C. Ó Háinle, N. Williams, L. Breatnach. Maigh Nua: Coláiste Phádraig, 23–60.
- Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston: Brill.
- Binchy, D. A. (ed.) 1956: *The Saga of Fergus Mac Léti*. In: *Ériu*, 33–48.
- Carey, J. 1998: *King of Mysteries. Early Irish Religious Writing*. Dublin: Four Courts Press.

- Carney, J. 1979: The Irish Elements in Beowulf. In: Carney J. *Studies in Irish Literature and History*. Dublin: DIAS, 77–128.
- De Vaan, M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden-Boston: Brill.
- Derksen, R. 2008: *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden-Boston: Brill.
- Dillon, M. (ed.). 1953: *Serlige Con Culainn*. Dublin: DIAS.
- ESSEJa 1975. [*Etymological Dictionary of Slavonic Languages*]. Moscow, Nauka, 2.
- ЭССЯ 1975: *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О. Н. Трубачева. 2, М.: Наука.
- Hamp, E. 1985: Indo-European **bheHi-*, Latin *foedus*, and Balto-Slavic. In: *Indogermanische Forschungen*, 90, 66–70.
- Ingridsdotter, K. 2009: *Aided Derbforgaill ‘The violent death of Derbforgaill’*. A critical edition with introduction, translation and textual notes. Uppsala: Engelska institutionen.
- Johnston, E. 2011: Kingship made real? Power and the Public World in ‘Longes Mac nUislenne’. In: *Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards*, Woodbridge: Boydell & Brewer, 193–206.
- Jørgensen, A. R. Irish 2009: *báeth*, *báes*, *bés*, *ammait* and Breton *boaz*, *amoed*. In: *Keltische Forschungen*, 4, 189–193.
- Kelly, F. 1995: *A Guide to Early Irish Law*. Dublin: DIAS.
- IEW — Pokorný J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. B. I–II, Bern and München: Francke.
- LEIA-A 1981 — *Lexique étymologique de l’irlandais ancien de J. Vendryes*. A. Par J. Vendryes. Dublin-Paris: DIAS-CNRS (1959).
- LEIA-B 1980 — *Lexique étymologique de l’irlandais ancien de J. Vendryes*. B. Par les soins de E. Bachellery et P.-Y. Lambert. Dublin-Paris: DIAS-CNRS.
- Meyer, K. (ed.). 1913: *Sanas Cormaic. Cormac’s Glossary*. Dublin: Anecdota from Irish Manuscripts. V.
- Mikhailova, T. A. 2005: [On the semantic of an Old Irish epithet: *án*]. In: *Atlantica: Studies on historical poetics*. 7, 169–178.
- Михайлова, Т. А. 2005: О семантике одного эпитета: древнеирландское *án* // *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. 7, 169–178
- Miles, B. 2011: *Heroic Saga and Classical Epic in Medieval Ireland*. Cambridge: D. S. Brewer.
- Murphy, G. 1961: *Early Irish Metrics*. Dublin: Royal Irish Academy.
- Murphy, G. 1998: *Early Irish Lyrics*. Dublin: Four Courts Press.
- O’Rahilly, T. 1942: *óinnhid. ónna. amaid*. In: *Ériu*, 13, 149–152.
- Orlova, M. V. 2022: [How One Can be *Wildly Jealous* and *Wildly Interested*: the Polysemy of Adjectives Denoting Wild Animals in the Field of Human Life]. In: *Izvestia Rossijskoj akademii nauk*.

- Seria literary i jazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 81, No. 6, 89–101.
- Орлова, М. В. 2022: Кто такой *дикий ревнивец* и почему нам *дико интересно*: полисемия прилагательных типа дикий в сфере человеческого // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 81. № 6. 89–101.
- Pedersen, H. 1909: *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd. I. Einleitung und Lautlehre*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Shkunaev, S. V. 1991: [*Legends and myths of Medieval Ireland*]. Transl. with comm. Moscow: MSU Press.
- Шкунаев, С. В. 1991: *Предания и мифы средневековой Ирландии*. Пер. и комм. М.: изд. МГУ.
- Stifter, D. 2007: Die Klosterneuburger loric. In: *Kelten Einfälle an der Donau*. Hrsg. H. Birkhan. Wien: Verlag der Akademie der Österreichischen Wissenschaften, 503–527.
- Stokes, W. (ed.) 1873–1875: The Klosterneuburg Incantation. In: *Revue celtique*. 2, 112–115.
- Stokes, W. (ed.) 1899: The Bodlean *Amra Choluimb Chille*. In: *Revue celtique*, 20, 31–437.
- Stokes, W. 1902: On the Death of Some Irish Heroes. In: *Revue celtique*, 23, 303–348.
- Stokes, W., Strachan, J. 1975: *Thesaurus Palaeohibernicus. A Collection of Old Irish Glosses, Scholia, Prose and Verse*. Vol. I, II. Dublin: DIAS (1901).
- Toporov, V. N. 1975: [*Prussian Language. A — D*]. Moscow: Nauka.
- Топоров, В. Н. 1975: Прусский язык. А — D. М.: Наука.